

СВЯЩЕННЫ ФАКТЫ, МНЕНИЯ СВОБОДНЫ

МИРОНОВ Борис Николаевич – доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия (mironov1942@yandex.ru).

Аннотация. Б.Н. Миронов поблагодарил за организацию обсуждения его труда и выразил надежду, что его исследования помогут понимать современные проблемы страны и конструировать движение России в будущее. Он не согласился с мнением о целесообразности применения теории модернизации для анализа проблем, оказавшихся в центре внимания его как исследователя. Идея модернизации использовалась как гипотеза, нуждающаяся в тестировании эмпирическими данными. В статье автор сосредоточился на полемике с оппонентами, ставившими под сомнение отдельные приведенные им в исследованиях факты и последовательно разобрал аргументы участников дебатов. Он остановился также на смыслах позиций некоторых участников обсуждения его научного труда.

Ключевые слова: теория модернизации • повестка исследования • эмпирические данные • ВВП • душевое потребление

DOI: 10.31857/S013216250019223-8

Центральным вопросом дискуссии стал вопрос целесообразности использования теории модернизации при изучении России периода империи. Прозвучало, что теория устарела. Не могу с этим согласиться. Во-первых, за 70 лет теория сильно изменилась и продолжает развиваться. Теоретики неомодернизационной версии ревизовали такие принципиальные характеристики процесса модернизации, постулированные классиками, как необратимость, прогрессивность, протяженность, эволюционность, однолинейность, закономерность, случайность. Благодаря этому концепция позволяет рассматривать и анализировать общество как реальный, живой, разнородный, многоуровневый, вариативно реагирующий на вызовы среды субъект истории.

Во-вторых, до революции 1917 г. Россия не достигла в полной мере уровня модерности, а ее развитие в новое время сравнительно с другими европейскими странами не отличается оригинальностью. В России не было ни одного института, который бы не встречался в какой-нибудь европейской стране. И это естественно. Что бы ни говорили об уникальности, Россия принадлежит европейской цивилизации. 1158 лет со дня рождения ее государственности в 862 г. она находилась в постоянном контакте с остальной Европой, а с конца XVII в. и до начала XX в. ее правящий класс намеренно и во всем подражал развитым западноевропейским странам. Россия в большей или меньшей степени повторяла пройденный ими путь. Изучать европейскую страну как страну европейскую – не проявление европоцентризма. Пока никто не обнаружил, что какое-нибудь европейское общество в новое время развивалось в ином направлении, чем от аграрного традиционного общества к промышленно-городскому. Определение традиционного и общества модерна, а также пути трансформации первого во второе, намеченные теорией, для европейских стран общепризнаны. О моральном износе теории можно говорить применительно к современным постиндустриальным обществам или к слабо развитым странам Африки, Ближнего и Дальнего Востока, Латинской Америки. Потому что первые решили задачи модернизации и перешли на новый уровень, а вторые не являются ранними версиями

Автор выражает благодарность журналу «Социологические исследования» за организацию обсуждения монографии, которое получилось острым и конструктивным, считая это большой честью.

современных обществ. Это не означает, что теория модернизации является «вечно молодой» и всегда останется вершиной научной мысли. Спрос на новые подходы существует, они предлагаются, но пока теория модернизации работоспособна – повторяю, при изучении европейских обществ Нового и начала Новейшего времени.

Подчеркну, у меня нет претензий на теоретическое осмысление проблемы модернизации. Моя книга – эмпирически-экспериментальное исследование, в котором из концепции модернизации используются определение традиционного и модернистского общества и повестка исследования по изучению трансформации первого во второе. Это не предопределяет выводов – я рассматриваю положения теории как гипотезы и проверяю их эмпирически. С равным правом можно сказать, что я использую марксистскую, мальтузианскую, структурно-демографическую, психосоциальную или институциональную концепции революции. Но и их положения для меня не аксиомы, а гипотезы, нуждающиеся в тестировании.

Хочется ответить на некоторые замечания участников дискуссии, следуя принципу – священны факты, мнения свободны. Коснусь только моментов, где оспариваются фактические данные и расчеты и где неадекватно поняты или искажаются мои выводы по ключевым вопросам.

Читатель понял, что в российской и мировой историографии сосуществуют альтернативные точки зрения на развитие позднеимперской России, их условно можно назвать пессимистической (нормативной в советской историографии) и оптимистической. Пессимисты настаивают на экзистенциальном происхождении революции – низы не могли жить по-старому ввиду тяжелого положения, оптимисты – на политическом – верхи хотели и могли управлять по-новому, но им помешали. В обсуждаемой книге я представляю оптимистическую точку зрения.

С.А. Нефедов ставит под сомнение оптимистическую концепцию, впервые сформулированную мной в 1999 г. в «Социальной истории», и утверждает, что 20 лет я игнорирую призыв американского слависта Д. Рансела идти в ногу с западными методами и видеть в статистической информации скрытый смысл. Эта критика относится к 2001 г., времени расцвета постмодернистской методологии в США. Под современными методами постмодернист Рансел как раз ее и подразумевал. Однако постмодернизм ставит под сомнение методологическую ценность научных понятий и статистических серий; с недоверием относится к любой теории и любой объяснительной системе. В исторической методологии постмодернисты рекомендуют по возможности избегать количественных данных; не использовать методологию современных социальных наук. Как большинство исследователей, я не принял методологию постмодернизма, хотя взял на вооружение ряд ее идей. Мои симпатии до сих пор принадлежат междисциплинарной истории, большим данным и математико-математическим методам, культурной антропологии, структурному функционализму и неозволюционизму, а также историкам школы «Анналов» – Ф. Броделю, М. Блоку, Ле Руа Ладюри, Ф. Арьесу, Ж. Ле Гоффу, Э. Лабруссу, Л. Февру и их коллегам. Во всех своих исследованиях я по сути дела занимаюсь извлечением скрытой информации из статистических и нарративных источников методами математической статистики. Призывы Рансела меня не увлекли по принципиальным соображениям. Думаю, я сделал правильный выбор. Мода на постмодернизм прошла, исследователей потянуло к базовым принципам классической методологии, с которыми я не расставался.

В обсуждаемой книге предложены 12 показателей, свидетельствующих о росте уровня жизни в пореформенной России. Нефедов оспаривает их приемлемость и достоверность. Как известно, основой благосостояния страны является валовой внутренний продукт (ВВП). Существует несколько оценок его динамики в России в 1885–1913 гг. Все они свидетельствуют о его значительном росте в абсолютном и душевом измерении. Расхождения касаются темпов роста ВВП. Согласно самому основательному исследованию П. Грегори, в 1860–1913 гг. средний годовой прирост ВВП составил 2,5%, душевой – около 1%, в 1885–1913 гг. – до 2% [Грегори, 2003: 245]. Нефедов отвергает эти оценки: они якобы не учитывают данных о ремесленном производстве и опираются на недостоверные данные

об урожаях. Сведения о ремесленной продукции необходимы при оценке ВВП по произведенным товарам и услугам. Но Грегори оценивал его по расходам экономических субъектов, для чего эти сведения не нужны. Грегори вносит поправки и в сведения об урожае.

Увеличение оборота торговли и величины потребления *на душу населения* является важным и надежным показателем реального роста уровня жизни широких слоев населения. Но по Нефедову они ненадежны, поскольку якобы не учитывают ремесленное производство и реализацию товаров на местных рынках. При расчете товарооборота приняты во внимание все торговые заведения, а также ярмарочная, базарная и разносная торговля, в силу чего все товары местных рынков, включая ремесленные, учтены. За 1885–1913 гг. оборот вырос в постоянных ценах в 1,7 раза [Струмилин, 1979: 444]. Известный статистик В.Е. Варзар рассчитал индекс физического объема *потребления* СССР за 1887–1913 гг.: душевое потребление в ценах 1913 г. увеличилось в 1,4 раза [Варзар, 1928].

С выводом о росте потребления коррелирует увеличение на треть количества зерна, оставляемого крестьянами для собственного потребления, между 1886–1890 и 1911–1913 гг. Нефедов их надежность также отвергает по причине несопоставимости: якобы в 1893 г. изменились методы определения урожайности и посевных площадей. На самом деле «реформа» урожайной статистики 1893 г. состояла лишь в том, что озимые и яровые хлеба стали учитываться раздельно, а данные о посевных площадях стали собираться ежегодно, в то время как ранее – один раз в несколько лет [Массовые источники, 1979: 247–249].

Итак, потребление населения, в том числе крестьянства (85% населения в 1913 г.), росло, что предполагает повышение доходов земледельцев от земли и от посторонних заработков. Нефедов утверждает, что ни того, ни другого в российской деревне не наблюдалось. Начнем с зарплаты. В моей книге речь идет о повышении номинальной зарплаты в 50 губерниях Европейской России с 1850-х до 1911–1913 гг. в 3,8 раза. Потребительские цены за анализируемый период повысились в 2,4 раза [Струмилин, 1967: 82], значит, реальная среднегодовая зарплата сельскохозяйственных рабочих мужского пола увеличилась в 1,6 раза. Однако критик оценивает инфляцию другим способом – по количеству килограммов ржи, которое можно купить на дневную оплату в период сева с 1885–1889 гг. по 1909–1913 гг. В силу этого в его *оценке, с точки зрения статистики, пять ошибок*: 1) В монографии взят период в 57 лет (1850-е – 1911–1913 гг.), у Нефедова – 25 лет (1885–1889–1909–1913 гг.). 2) Учтено 50 губерний Европейской России, у Нефедова непонятно, о какой территории идет речь. 3) У меня *среднегодовая* зарплата, у Нефедова *оплата в период сева*. 4) Я брал рабочих-мужчин, у Нефедова непонятно кто (замечу, женский труд оплачивался в 1,6 раза ниже). 5) Главное – в книге инфляция оценивается принятым в современной экономической науке способом, Нефедов использует устаревший способ, который не дает надежных результатов. Реальная зарплата российских рабочих с 1880-х по 1911–1913 гг. выросла скромнее – в 1,25 раза.

Об увеличении доходов населения свидетельствует и громадный рост вкладов в банки и в первую очередь в сберегательные кассы. С 1865–1869 гг. по 1909–1913 гг. в Европейской России число вкладчиков на 1000 жителей увеличилось в 82 раза, величина вклада на одного вкладчика – в 1,7 раза, величина вклада на одного жителя страны – в 145 раз с учетом инфляции. Нефедов считает увеличение вкладов следствием расширения сети сберкасс. На самом деле рост доходов населения стимулировал открытие новых касс, так как *увеличение числа касс опережало потребности населения*. В 1863–1873 гг. Госбанк учредил 27 касс в городах, но они не открылись, а 14 касс, учрежденных ранее, были закрыты «по ненадобности для местного населения». Все эти кассы начали работать спустя 12–20 лет, в 1885 г. В сельской местности в 1884–1885 гг. Госбанк разрешил открыть 326 касс. Фактически открылись 160. Из них две не начали операций «за неявкою вкладчиков» [Ежегодник, 1888: 453–457].

Согласно Нефедову, массовая скупка земли крестьянами имеет «лишь косвенное отношение» к уровню жизни, земля-де покупалась в кредит. На самом деле – прямое: проценты нужно выплачивать, а для этого доходы должны существенно вырасти. За 27 млн га

земли, купленной крестьянами в 1862–1910 гг., даже проценты представляли огромную сумму, и они ее заработали. Почти все граждане США живут в кредит, но никто не считает их на этом основании бедняками.

Рост ВВП и душевого потребления товаров, в том числе продовольствия, повышение реальной зарплаты и вкладов в банки невозможны при стагнации/деградации сельского хозяйства, тем более экспорт сельхозпродуктов из России в пореформенный период быстро возрастал. Нефедов, опираясь на официальную статистику урожаев, настаивает, что в сельском хозяйстве прогресса не наблюдалось. Урожайной статистике никогда не доверяли; неточность в 10% признается несущественной [Массовые источники, 1979: 255]. Ввиду этого расчеты потребления на ее основе ненадежны. Нефедов утверждает, что официальная статистика позволяет легко определить реальную динамику потребления. Однако его расчеты (если из валового сбора вычесть экспорт и расходы на посев) серьезно искажают истинную картину. Остающегося продовольствия не хватит даже для удовлетворения физиологических потребностей земледельцев. А если расход на фураж принять по нормам, которые принимаются диспутантом, дефицит составит 27%! Столь огромный недостаток продовольствия привел бы к постепенному вымиранию деревни [Миронов, 2014: 160–161].

Питание населения свидетельствует о его – продовольствия – адекватности. Данные о питании крестьян (7381 хозяйство 13 губерний Европейской России за 1896–1915 гг.) и горожан (13594 семьи в Баку, Богородске, Москве, Оренбурге, Петербурге, Саратове и Туле) показали: в количественном отношении питание крестьянства было достаточным, хотя ухудшалось в годы неурожаев и в рационе не хватало жиров и белков. Горожане даже нижней имущественной группы питались удовлетворительно [Миронов, 2012: 351–374].

Уровень потребления можно оценить и по данным о росте (длине тела), весе и индексе массы тела – в медицине и ауксологии они рассматриваются в качестве показателей биологического статуса населения. Согласно расчетам, в пореформенный период они повышались. Например, финальный рост мужчин, родившихся 1911–1915 гг., был на 5,1 см выше, чем у родившихся в 1861–1865 гг. (169 см против 163,9 см). Нефедов оспаривает этот вывод: данные о росте новобранцев в России ввиду изменений требований являются сопоставимыми только за 1874–1912 гг., но и в течение этого периода изменилась методика учета длины тела, ввиду чего в действительности рост новобранцев уменьшался. Эти утверждения не соответствуют фактам. До введения всеобщей воинской повинности в 1874 г. требования к росту новобранцев менялись, как правило, в сторону понижения, что делало данные за разные годы не вполне сопоставимыми. Но в современной исторической антропометрии эта проблема успешно решается с помощью *метода максимального правдоподобия, для его применения разработана специальная компьютерная программа*. Метод унифицирует выборки за разные годы, делая их однородными и сопоставимыми. Эта стандартная методика обработки ростовых данных, принятая в мировой антропометрии, подробно объяснена [Миронов, 2012: 98–108].

Надуманым является и утверждение об изменении в 1890 г. методики учета призывными комиссиями данных о длине тела. Управление по делам о воинской повинности слегка изменило форму представления годового отчета воинских присутствий, сохранив прежнюю методику. Отсутствие в указе пояснений и объяснений привело присутствия к выводу, что все остается по-прежнему, и они долгое время сохраняли даже форму представления отчета. И были правы. Само Управление по делам о воинской повинности в ретроспективных сводках сведений о росте указывало единые ростовые интервалы, установленные в 1874 г., для всего периода 1874–1913 гг. [Статистика..., 1897: 132; Народное хозяйство, 1924: 52–53]. В ежегодных отчетах Военного министерства также указывались единые ростовые интервалы для всего периода 1874–1912 гг. [Столетие, 1914: 175, 285–301; Всеподданнейший отчет, 1877: 144; Всеподданнейший отчет, 1912: 3]. Наконец, ошибочно думать, что любое изменение методики учета ростовых данных воздействует на динамику длины тела. Изменение может повлиять только на абсолютную величину

длины тела в последующие годы после реформы, а ее динамика все равно остается той же, в нашем случае рост новобранцев, призванных в 1890–1912 гг., увеличивался.

Подтверждением роста биологического статуса населения можно считать повышение средней продолжительности жизни. Диспутант относит это на счет успехов медицины. С этим трудно вполне согласиться. В статье [Нефедов, 2009: 155–162] оппонент показал, что в XIX в. господствовала «мальтузианская связь между потреблением и демографическими показателями»: потребление растет, смертность падает, и наоборот. Эта корреляция стала уменьшаться в 1910-е гг. и позже, в 1920–1930-е гг. [Демографическая модернизация, 2006: 257–259]. Поскольку тенденция к уменьшению смертности наметилась в 1860-х гг., то ее уменьшение до начала XX в. скорее всего объяснялось именно ростом потребления и уровня жизни.

Таким образом, оппонент не предложил весомых аргументов для пересмотра вывода об успешности российской имперской модернизации в экономической сфере.

Н.С. Розов предлагает свой взгляд на модернизацию вообще и российскую в частности и революцию. Несмотря на расхождения в теоретических вопросах модернизации, в наших оценках конкретного хода российской модернизации и ее результатов много сходства. Розов видит определенные достижения российской модернизации во всех сферах жизни, больше в экономике, меньше в деле построения гуманных порядков и верховенства права. Не случайно он отдает предпочтение историческому оптимизму. Во-вторых, Розов согласен со мной в том, что любая модернизация имеет издержки, потери и создает социальные напряжения, которые при негативных обстоятельствах достигают критических значений, делая государство уязвимым к революции и распаду. Методологически нас объединяет убежденность в том, что революции правомерно и перспективно изучать вместе с модернизацией. Таким образом, принципиальные выводы моей книги нашли у него поддержку. Кроме того, Розов прямо говорит о «значимом вкладе» монографии в том смысле, что ее критическое обсуждение позволяет историческим социологам продвинуться в анализе российских циклов развития. О чем еще мечтать автору!?

Д.В. Трубицын ставит ряд принципиальных вопросов, на которые, как ему кажется, в книге нет ответа. Отвечу на три. Курс царского правительства соответствовал потребностям населения или желания оппозиции были завышены? Почему в имперской России оптимальным был эволюционный, а не революционный путь? Имела бы место «эволюция», если бы не борьба, включая революционную?

Российское общество было расколото – оппозиционно настроенные граждане всех направлений составляли менее 5% населения. Эта оценка основывается на том, что сознательными и принципиальными противниками режима могли быть образованные граждане, как правило, из привилегированных слоев. Если к образованным отнести людей со средним и высшим образованием, в 1917 г. их было около 4% населения. При этом 57% всего населения в возрасте 10 лет и старше были неграмотны [Миронов, 2012: 427–430]. Все привилегированные (дворянство, духовенство, купечество и почетные граждане) составляли 2,5%. Образованные и привилегированные слои по составу в значительной степени совпадали. В обсуждаемой монографии в 5-й главе «Когнитивные практики русских крестьян и их изменение под влиянием модернизации» эмпирически доказано, что на рубеже XIX–XX вв. у неграмотных и малограмотных людей концептуальное мышление было слабо развито, индивид оперировал информацией, почерпнутой почти исключительно из жизненного опыта и в рамках этого опыта. Такие когнитивные способности замыкали в круг личного практического опыта, мешали видеть смысл в событиях в стране и мире. Рабочие были несколько грамотнее, но уровень их культуры также не позволял им быть сознательными и принципиальными противниками режима, что, конечно, не означает, что они не могли бунтовать. Как и крестьяне, они могли и протестовали против недостатков, злоупотреблений властей, но не против политического строя. По этой причине в мирное время около 95% населения (из которых не менее 85% принадлежали к крестьянскому сословию) были лояльны к режиму, хотя далеко не всем довольны. В трудные годы (неурожай, война,

стихийные бедствия) доля нелояльных могла увеличиваться, но могла и уменьшаться. При таком раскладе сил правительственный курс **мог** вызывать неудовольствие образованного меньшинства, но по большому счету соответствовал мнению большинства.

Раскол общества на образованных/необразованных являлся фундаментальной причиной того, почему в имперской России оптимальным был эволюционный, а не революционный путь развития. Интеллигенция, естественно, торопилась с реформами – человек живет одну короткую жизнь. Но массы были не готовы к радикальным политическим реформам, поэтому последние не имели успеха – поспешные реформы Временного правительства дискредитировали демократию и привели к краху и правительству, и империи, а суперрадикальные реформы большевиков завершили консервативной модернизацией.

До 1905 г. в России шла мирная эволюция, но под давлением оппозиционного меньшинства и принципиального лояльного большинства. Манифест 1905 г. стал результатом острой, но мирной политической борьбы, начавшейся до начала революции. Ввиду этого последняя была избыточной, не принесла ожидаемых плодов, но многократно усилила социально-политические противоречия в стране. Массовые протесты полезны и необходимы, когда законные и мотивированные требования большинства населения игнорируются властями, но они должны быть мирными. В таких случаях они способствуют развитию общества в позитивном направлении.

В отзыве Трубицына есть важный тезис. «При всем успехе работе Миронова не хватает обобщения совокупной действительности. Книга насыщена эмпирией, но *главные* ее тезисы остаются суждениями, лишь подкрепленными фактами. Одному оценочному суждению можно, однако, противопоставить другое». Этот тезис внутренне противоречив. Суждения, подкрепленные фактами, это не оценки, а обобщения. Все мои принципиальные суждения опираются на массовые источники, в большинстве статистические, и потому являются не просто оценками, а обобщениями. Всю «совокупную действительность» до сих пор не удавалось обобщить ни исследователю, ни коллективу исследователей, ни всему научному сообществу. Думаю, в ближайшее время ситуация не изменится. Но одному оценочному суждению действительно можно противопоставить другое. Слова М. Палеолога, приведенные Трубицыным, об отсталой России и передовой Франции напомнили мне суждение американского русиста Г. Фриза в Предисловии к «Социальной истории» [3-е изд., т. 1, с. VII]: «Ни в коем случае не является аксиоматическим, что западная модель плутократии, глобализации и экономического неолиберализма является желательной и что ей уготована длительная жизнь; на самом деле, все это – проявления нового империализма, и они порождают мощные противодействующие компенсационного свойства силы, направленные на ограничение непрерывного роста власти государства и его учреждений. Как ни парадоксально, но следует чувствовать некоторую ностальгию и зависть в отношении самой институциональной отсталости России при старом режиме, где по крайней мере до середины XIX столетия государство осуществляло только спорадический контроль над обществом и индивидуумом».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Варзар В.Е. Индекс физического объема потребления СССР за сорок лет (1928). URL: http://www.dcenter.ru/science/Varzar_1928.pdf (дата обращения: 06.09.20).
- Всеподданнейший отчет о действиях военного министерства за 1875 г. СПб.: Военная тип., 1877.
- Всеподданнейший отчет о действиях военного министерства за 1910 г. СПб.: Военная тип., 1912.
- Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М.: РОССПЭН, 2003.
- Демографическая модернизация России 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006.
- Ежегодник Министерства финансов. Вып. 17. СПб.: тип. В. Киршбаума, 1888.
- Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М.: Наука, 1979.
- Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. 2-е изд., испр., доп. М.: Весь Мир, 2012.

- Миронов Б.Н. Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. 2-е изд. М.: Весь Мир, 2014.
- Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. Краткий справочник. М.: тип. МКХ, 1924.
- Нефедов С.А. О связи демографических показателей и потребления в России конца XIX – начала XX века // Российская история. 2009. № 2. С. 155–162.
- Сборник циркуляров МВД по вопросам воинской, военно-конской и военно-повозочной повинности. 1874–1900 гг. СПб.: Тип. МВД, 1901.
- Статистика Российской империи. 40: Сборник сведений по России, 1896. СПб.: б.и. 1897.
- Столетие Военного министерства. 1802–1902 гг. Т. 4. Ч. 3. Кн. 1. Отд. 2. СПб.: тип. М.О. Вольфа, 1914.
- Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России и СССР. М.: Наука, 1967.
- Струмилин С.Г. Статистика и экономика. М.: Наука, 1979.

FACTS ARE SACRED, OPINIONS ARE FREE

MIRONOV B.N.

MIRONOV Boris Nikolaevich, Dr. Sci. (Hist.), Prof., St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia (mironov1942@yandex.ru)

Abstract. B.N. Mironov thanked the journal “Sociological Studies” for organizing the discussion of his work and expressed the hope that his research will help to understand current problems of the country and to shape design of the movement of Russia into the future, which the participants of the symposium focused on. He did not agree with the opinion that it was inappropriate to apply modernization theory to the analysis of problems that were the focus of his attention as a researcher. The idea of modernization was used by him as a hypothesis that needs to be tested by empirical data. B.N. Mironov dwelt in great detail on polemics with opponents who questioned some of the facts he presented in his research and consistently analyzed their arguments. He also focused on the meanings of the positions taken by some participants in discussing his work.

Keywords: modernization theory, the agenda of the research, empirical data, GDP, per capita consumption.

REFERENCES

- Mass Sources in Russian Social Economic History for the Capitalist Period.* (1979) Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Mironov B.N. (2012) *Popular Welfare and Revolutions in Imperial Russia: XVIII – early XX century.* 2nd ed. Moscow: Ves’ Mir. (In Russ.)
- Mironov B.N. (2014) *The Passion of Revolution: Mores of Russian Historiography in the Information Age.* 2nd ed. Moscow: Ves’ Mir. (In Russ.)
- Collected MIA Circular Letters on Horse Military-service and Military Carriage Driving Question.* (1901) 1874–1900. St. Petersburg: MIA Press. (In Russ.)
- Annual Report of the Ministry of Finances.* (1888) 17th Issue. St. Petersburg: V. Kishbaum Press. (In Russ.)
- Comprehensive Report on War Ministry Activities for 1875.* (1877) St. Petersburg: Military Press. (In Russ.)
- Comprehensive Report on War Ministry Activities for 1910.* (1912) St. Petersburg: Military Press. (In Russ.)
- Gregory P. (2003) *Russian Empire Economic Growth (late XIX – early XX): New Calculations and Estimates.* Moscow: POSSPEN. (In Russ.)
- National Economy of the USSR in Figures.* (1924) A Concise Handbook. Moscow: MKX Press. (In Russ.)
- Nefedov S.A. (2009) On the Links of Demographic Indices and Consumption in late XIX – early XX Century Russia. *Rossijskaya istoriya* [Russian History]. No. 2: 155–162. (In Russ.)
- Statistics of the Russian Empire 40: Collected Information on Russia,* 1896. (1897) SPb.: n. p. (In Russ.)
- Strumilin S.G. (1967) *Essays on the Economic History of Russia and the USSR.* Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Strumilin S.G. (1979) *Statistics and Economy.* Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Varzar V.E. *Index of USSR Physical Consumption Volume for Forty Years* (1928). URL: http://www.dcenter.ru/science/Varzar_1928.pdf (accessed 06.09.20). (In Russ.)
- Vishnevskiy A.G. (ed.) (2006) *Demographic Modernization of Russia 1900–2000.* Moscow: New Press. (In Russ.)
- War Ministry Centennial. 1802–1902.* (1914) Vol. 4. Pt. 3. Book 1. Sect. 2. St. Petersburg: M.O. Wolf Press. (In Russ.)